

А. Г. ГУКАСОВА

**«ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА, ПИСАННОГО АВТОРОМ
ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «РЕВИЗОРА»
К ОДНОМУ ЛИТЕРАТОРУ»**

*(Вопрос об адресате «Отрывка» и о взаимоотношениях
Пушкина и Гоголя)*

В «Переписке Пушкина», под редакцией В. И. Сантова, помещено письмо «Гоголь — Пушкину 25 мая 1836 года. С.-Петербург»¹.

Названного письма читатель не найдет ни в «Переписке Пушкина» (Изд. АН СССР), ни в «Письмах Гоголя» (Изд. АН СССР). Из комментариев к «Ревизору» он узнает, что *«апокрифичность»* рассказа Гоголя об «отрывке» *доказана Н. С. Тихонравовым*².

Судьба этого «исторического письма»³, где Гоголь, резко критикуя первую постановку комедии, дает толкование главной роли (Хлестакова) и отдельных сценических эпизодов, не лишена интереса как для литературоведов, так и для читателей Гоголя.

Постараемся помочь читателю разобраться в этом вопросе, и прежде чем показать, что и как «доказал» Н. С. Тихонравов, вспомним, как сам Гоголь комментировал «Отрывок из письма».

Автор «Ревизора», сообщая С. Т. Аксакову (Рим, 5 марта 1841 г.), что он долго не мог найти обещанных изменений и приложений ко второму изданию комедии и поэтому задержал отправку их, писал: «Здесь письмо, написанное мною к Пушкину, по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пьеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала, и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня неотправленным, потому что он скоро приехал сам. Из этого письма я выключил то, что собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки «Ревизора»... Мне кажется, что прилагаемый отрывок будет нелишним для умного актера, которому случится исполнять роль Хлестакова»⁴.

Итак, Гоголь ясно и определенно сказал — адресат письма, написанного в 1836 г., — Пушкин.

¹ «Переписка Пушкина». Редакция В. И. Сантова, СПб., 1911, т. 3, стр. 319—325. Названное письмо под заглавием «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после представления «Ревизора» к одному литератору» сам Гоголь, как известно, поместил сначала в журнале «Москвитянин» (1841, № 3), а затем (в том же году) в виде приложения ко второму изданию комедии «Ревизор».

² Н. В. Гоголь. П. с. с. Изд. АН СССР, т. IV, стр. 534. В дальнейшем будем указывать лишь том и страницы.

³ «В письме его, которое напечатано в «Москвитянине», виден он как в зеркале, весь, вполне; это письмо историческое», — писал Н. М. Языков А. М. Языкову 21 февраля 1842 г. по поводу «Отрывка» («Литер. наследство», 1952, т. 58, стр. 616).

⁴ Н. В. Гоголь, т. XI, стр. 330. (Разр. наша, — А. Г.)

Но Н. С. Тихонравов⁵ выразил недоверие Гоголю. После его работы одни исследователи, с оговорками или безоговорочно, принимают мнение Тихонравова, другие не соглашаются с ним, третьи воздерживаются от ясного и четкого ответа.

Приведем несколько примеров, освещающих историю вопроса.

В. И. Шенрок в 1901 г. в «Письма Гоголя» не включил письма к Пушкину и вслед за Н. С. Тихонравовым обратил внимание на «неискренность» и на «многие случаи явной неискренности Гоголя»⁶. В то же время в одном из примечаний В. И. Шенрок заметил: «Но когда Гоголь писал его (т. е. «Отрывок»).— А. Г.), он в своем воображении обращался к Пушкину. Недаром он писал Погодину от 30-го марта 1837 года: «Когда я говорил (у Гоголя; *творил.*— А. Г.), я видел перед собою только Пушкина»⁷.

А. И. Кирпичников в 1902 г., утверждая, что отдельные мысли «Отрывка», могли быть набросаны весной 1836 г. и впоследствии обработаны, в то же время писал: «Тихонравов доказал, что это письмо датировано 25 мая 1836 г. совершенно произвольно»⁸.

Н. О. Лернер в 1910 г. привел письмо Гоголя в «Трудах и днях Пушкина»⁹. Возражая Тихонравову («Если «Отрывок» окончательно обработан в 1841 г., то из этого еще не следует, что самое письмо не было написано в 1836 г...» «... сам же Тихонравов нашел в «Отрывке» следы писем Гоголя к Щепкину 1836 г.»), Лернер писал: «Итак, нет причины не верить Гоголю и его простому, ясному показанию, касающемуся его отношений к человеку, которого он так любил и помнил, предпочесть ничем не вызываемую и ничем не оправдываемую произвольную и ненужную гипотезу биографов, ведущую только к затемнению истины»¹⁰.

Н. Котляревский в 1915 г., не приводя никаких разъяснений, дал к «Отрывку» следующую скептическую сноску: «Гоголь утверждал, что это письмо было написано к Пушкину, но это едва ли верно»¹¹.

М. Сперанский в 1923 г. считал Пушкина адресатом «Отрывка»¹², но выдвинул новые «гипотезы» о «неискренности» Гоголя и о взаимоотношениях Пушкина и Гоголя.

М. А. Цявловский в 1931 г. включил «Письмо Гоголя П<ушкину> о «Ревизоре» в хронологическую канву биографии Пушкина¹³.

В. В. Гишпиус в 1931 г. в статье «Литературное общение Пушкина и Гоголя» отмахнулся от ответа на вопрос об адресате «Отрывка»: «Как бы ни решался вопрос (разрядка наша.— А. Г.) об адресатах писем о «Ревизоре» и «Мертвых душах» (речь идет о четырех письмах по поводу «Мертвых душ».— А. Г.), на познавательную ценность их это решение повлиять не может»¹⁴.

В. В. Вересаев в 1933 г. привел «Отрывок» в сокращении без финальных строк («Ради бога, приезжайте...») ¹⁵.

С. И. Машинский в 1951 г. пишет: «Выпуская в 1841 г. второе издание «Ревизора», Гоголь предпослал ему в виде предисловия «Отрывок из письма, написанного автором после представления «Ревизора» к одному лите-

⁵ Н. С. Тихонравов. Соч. Гоголя. Изд. 10-е, М., 1889, т. II, стр. 672—681. (В дальнейшем указываются лишь страницы).

⁶ «Письма Гоголя». Под ред. В. Шенрока. СПб., изд. А. Маркса, 1901, т. II, стр. 28, примеч. 1; стр. 96, примеч. 2, 4.

⁷ Там же, том I, стр. 386.

⁸ А. И. Кирпичников. Полное собр. соч. Гоголя в 3-х томах. М., изд. И. Д. Сытина, 1902, стр. 188, 608.

⁹ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, стр. 360—362.

¹⁰ Там же, стр. 362.

¹¹ Н. Котляревский. Н. В. Гоголь. СПб., 1915, стр. 311.

¹² М. Сперанский. Дневник Пушкина. М., 1923.

¹³ «Путеводитель по Пушкину». Пушкин. П. с. с., Прил. к «Красной Ниве», т. 6, стр. 21.

¹⁴ «Уч. зап. Пермского гос. ун-та». Отделение общественных наук. 1931, вып. II, стр. 61.

¹⁵ В. В. Вересаев. Гоголь в жизни. Academia, 1933, стр. 161—162.

ратору (имелся в виду Пушкин)» и одновременно отсылает читателя к Тихонравову¹⁶.

Н. В. Богословский в 1952 г. включает «Отрывок» в сборник «Гоголь о литературе» под 1836 годом и ясно и определенно пишет: «Адресат письма (принявшего форму статьи) — А. С. Пушкин (разрядка наша. — А. Г.). Об этом письме Гоголь сообщил С. Т. Аксакову 5 марта 1841 г.». Далее следует текст письма к Аксакову¹⁷.

Приведенный, далеко не полный перечень разноречивых мнений свидетельствует о том, что аргументация Тихонравова нуждается в детальном и всестороннем анализе.

Итак, обратимся к доводам Тихонравова, опиравшегося на мнение С. Т. Аксакова: «Гоголь был не лгун, а выдумщик» (стр. 649). «Решительным доказательством», что «Отрывок из письма» «не составляет извлечения из письма к Пушкину и написан в Риме, спустя несколько лет по смерти великого поэта», Тихонравов считал черновые наброски «Отрывка».

«Наброски эти писаны, — читаем у Тихонравова, — на бумаге одной и той же фабрики с клеймом London и неясным водяным знаком. Представляем их вполне в том порядке, в котором они размещены в папке Императорской Публичной Библиотеки — лл. 44—46» (стр. 676).

Если утверждение Тихонравова о бумаге «с клеймом» бесспорно, но, конечно, недостаточно для решения вопроса о дате письма (ср. выше соображения Лернера и ниже другие аргументы самого Тихонравова), то утверждение о полноте и порядке не совсем точно: исследователь воспроизводит текст набросков довольно произвольно — пропускает отдельные слова и фразы Гоголя, нарушает пунктуацию и прочее. Приведем два примера.

У Гоголя в рукописи в конце первого наброска¹⁸ (См. приложение — фотокопию) читаем:

У Тихонравова (стр. 676):

«Или неужели мною овладела довременно гордость и силы мои были слишком слабы совладеть с этим лицом, а мне казалось оно ясным».

«Или неужели мною овладела довременно слепая гордость и силы мои были слишком слабы совладеть с этим лицом? А мне казалось оно (ясным)¹⁹».

После этих слов у Гоголя следует: «Хлестаков вовсе не надует. Он лжет». После нескольких зачеркнутых и неразборчиво написанных слов читаем: «он сам позабывает, что лжет»²⁰.

Этих фраз Тихонравов не приводит²¹.

Разберем по пунктам «доказательства» Тихонравова.

1. Заметив, что наброски — «третий», «четвертый», «шестой» не вошли в состав «Отрывка», или испытали «перечистку», Тихонравов одни наброски — «первый», «четвертый», «пятый», отдельные выражения которых совпадают с фразами или напоминают выражения из писем Гоголя к Щепкину от 29 апреля и 10 мая 1836 г., относит к «более ранним наброскам», другие — «седьмой» и «восьмой» (якобы «содержащие в себе выражение нового, более глубокого взгляда Гоголя на тип Хлестакова») относит «к позднейшим материалам», т. е. к концу 1840 или к началу 1841 года (стр. 680—681).

¹⁶ С. М а ш и н с к и й. Гоголь. М., 1951, стр. 136, 267.

¹⁷ «Н. В. Гоголь о литературе». М., 1952, стр. 300—301.

¹⁸ За ним следует второй набросок о костюмах Добчинского и Бобчинского, который Тихонравов присоединяет к «восьмому» наброску, насчитывая таким образом вместо девяти набросков восемь.

¹⁹ «Слепая гордость» — читаем у Гоголя в «Отрывке из письма», а не в черновом наброске. (В тексте Тихонравова разрядка наша. — А. Г.)

²⁰ Л. 44 (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Фонд. Собр. автографов (автографы Гоголя). Ед. хр. № 4, лл. 44—46).

²¹ Ср. замечание о Тихонравове-текстологе в ст. Н. К. Гудзия и В. А. Жданова «Вопросы текстологии» («Новый мир», 1953, № 3, стр. 238—239).

Но как в письмах к М. С. Щепкину, так и в «Отрывке» и в черновом первом наброске, почему-то воспроизведенном Тихонравовым не полностью (см. выше), речь идет об одном и том же: Хлестаков не просто лгун и не просто хвастун. Противоречивы рассуждения не Гоголя, а Тихонравова — один и тот же факт (совпадение содержания набросков с содержанием писем и «Отрывка») в одном случае свидетельствует, оказывается, о том, что наброски восходят к 1836 г., в другом случае — о том, что наброски созданы в 1841 году.

2. Цитируя фразу Гоголя («Возвратившись домой, я тот же час принялся за переделку...»), Тихонравов замечает: «Если верить этому рассказу, то Гоголь приступил к переделке начальных сцен IV акта в самый вечер первого представления комедии и по крайней мере *три первых явления* четвертого действия переделаны были окончательно, — в тот вид, который они имеют во втором печатном издании «Ревизора» (1841 г.), не позднее 25-го мая 1836 года в Петербурге» (стр. 640).

Признание Гоголя Тихонравов отводит по соображениям психологического порядка — Гоголь годами обдумывал свои сочинения, после первого представления «Ревизора» он находился в возбужденном состоянии («в это время у него... не было той «высокой трезвости духа», которую он считал необходимым условием своего творчества...» «Только Хлестаков умел написать в один вечер и «Фенеллу» и «Женитьбу Фигаро») (стр. 640—642).

Тихонравов явно искажает смысл фразы Гоголя — Гоголь пишет: «принялся за переделку», а не переделал, а соображение, что писатель годами обдумывал свои сочинения, вряд ли правомерно распространять на уже обдуманное, законченное произведение.

3. Цитируя письмо Гоголя (январь 1837 г.) к Прокоповичу («Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях... и если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора»... я бы благодарил судьбу»), Тихонравов многозначительно спрашивает: «Можно ли допустить, чтобы автор, призывая моль (?! — А. Г.) истребить все экземпляры «Ревизора», занимался перед этим частичными поправками отдельных его сцен?» (стр. 646).

Нужно ли опровергать риторический вопрос Тихонравова?

4. Цитируя письмо Гоголя к Погодину (от 1 декабря 1838 г.), где Гоголь просит «немного обождать печатать «Ревизора», так как «начал переделывать и поправлять некоторые сцены», Тихонравов пишет: «Эти строчки представляют новое и решительное доказательство того, что первые сцены четвертого акта «Ревизора» не были переделаны в Петербурге к 25 мая 1836 года» (стр. 647).

Но известно, что не только Гоголь, но многие взыскательные художники не раз переделывали и исправляли написанные и исправленные произведения.

5. Иронически пересказывая слова Гоголя из письма к Аксакову («Пушкин был тогда в деревне. Пьеса игралась без него») и снова «уличая» Гоголя, Тихонравов рассуждает: «Пушкин почти всю вторую половину апреля этого года провел в Петербурге, но на первом представлении «Ревизора» не присутствовал. В конце апреля Пушкин уехал из Петербурга и начало мая действительно провел в Москве. Только 23-го мая в полночь приехал он (разрядка наша. — А. Г.) на свою дачу на Каменном острове». «Конечно, — добавляет исследователь, — в эти первые три недели мая Гоголь мог набрасывать начерно некоторые заметки о представлении «Ревизора»... «но эти наброски не были приведены в порядок и обработаны в «Письмо к Пушкину» в мае 1836 года» (стр. 675).

Но в этих рассуждениях Тихонравова, на первый взгляд резонных, находим неточности и ошибки.

а) Пушкин, как известно, потому не присутствовал на премьере «Ревизора» (19 апреля), что и не мог присутствовать: он 8 апреля уехал

из Петербурга (хоронить мать), вернулся в Петербург 24 апреля, а 29 апреля снова уехал по делам в Москву.

б) Пушкин вернулся из Москвы 23 мая, а письмо Гоголя датировано 25 мая. Тихонравов упустил одно обстоятельство: Пушкин собирался вернуться в Петербург не раньше 26 мая. «Ты меня хочешь принудить приехать к тебе прежде 26. Это не дело», — писал он Наталье Николаевне 18 мая²².

Мог ли знать об этом Гоголь? Несомненно, мог (Гоголь бывал в доме Пушкина, см. ниже письма Пушкина к Наталье Николаевне, стр. 343), и именно поэтому, пусть «вчерне», как утверждает сам Тихонравов, он написал письмо к приезду Пушкина, т. е. к 26 мая.

Таковы «решительные доказательства» Тихонравова.

Н. О. Лернер, конечно, был прав: показания Гоголя «нисколько не поколеблены академиком Тихонравовым»²³.

Редакторы академических изданий «Переписки Пушкина» и «Писем Гоголя», безоговорочно приняв гипотезу Тихонравова, не поместили письма Гоголя ни в *Dubia*, ни в Приложения²⁴. А между тем в раздел *Dubia* включены два сомнительных письма: 1) письмо Р. И. Дорохова с примечанием: «То, что письмо адресовано Пушкину, не может считаться установленным. За это говорит лишь факт нахождения письма в бумагах Пушкина»²⁵ и 2) «Пресловутая прощальная записка Николая I, точный текст которой так и остался неизвестным»²⁶.

Нам могут возразить: не дошедшее до Пушкина письмо Гоголя не является фактом биографии Пушкина, и ему не может быть места в «Переписке Пушкина».

Но почему в раздел «Приложения» вошли три письма, из которых два последних никак не могли дойти до Пушкина: 1) письмо В. Ф. Одоевского от 10 мая 1836 г., адресованное Наталье Николаевне и, конечно, «по существу обращенное к самому Пушкину», где Одоевский пишет: «Я как на беду завален теперь срочной работой, так что не успел даже написать статьи о Ревизоре, что необходимо»²⁷; 2) письмо от 4 февраля 1837 г. от Павлищева, с обычными нудными рассуждениями о хозяйственных делах; 3) письмо от 4 февраля 1837 г. от А. А. Фукс.

Посылая Пушкину свою «Повесть об основании Казанского царства», она пишет: «другие два (т. е. два экземпляра) прошу Вас усердно доставить князю Вяземскому и господину Гоголю, сочинителю комедии «Ревизор»²⁸ (разрядка наша. — А. Г.). Письма Одоевского и Фукс проливают свет и на то, что современники не отделяли Гоголя от Пушкина, и на то, что Пушкин действительно, как об этом свидетельствует Гоголь, был озабочен мыслью о статье по поводу «Ревизора».

Допустим, что не дошедшее до Пушкина письмо Гоголя не является фактом биографии Пушкина. Но почему оно, засвидетельствованное самим Гоголем, не является фактом биографии последнего?

В XI томе сочинений Гоголя издания АН СССР не находим ни письма Гоголя, ни разъяснений по поводу письма. Лишь к дате 17 марта (н. с.) 1841 г. (стр. 26) дана следующая лаконичная справка: «Гоголь высылает С. Т. Аксакову обещанные ему в письме от 28 января 1840 г. «переправки и приложения» ко второму изданию «Ревизора» (Письмо к С. Т. Аксакову № 191).

²² А. С. Пушкин. П. с. с. Изд. АН СССР, т. 16, стр. 117.

²³ Н. О. Лернер. Труды и дни А. С. Пушкина. СПб., 1910, стр. 361.

²⁴ В XVI томе соч. Пушкина в кратком введении нет никаких указаний, чем вызвано изъятие названного письма.

²⁵ А. С. Пушкин. П. с. с. Изд. АН СССР, т. 16, стр. 364.

²⁶ Там же, стр. 275.

²⁷ Там же, стр. 232.

²⁸ Там же, стр. 233—234.

* * *

Цепь «решительных», но ошибочных «доказательств» Тихонравова, определяемых предвзятым мнением о Гоголе-«выдумщике», оказала влияние не только на решение вопроса об адресате «Отрывка», но и на решение вопроса о взаимоотношениях Пушкина и Гоголя и, в частности, о «разрыве отношений» между ними после I тома «Современника», где была помещена статья Гоголя «О движении журнальной литературы».

Обширная литература (Шенрок, Лукьяновский, Каллаш, Долинин, Сперанский, Гишинус и др.), посвященная этим вопросам, не менее противоречива, чем литература по вопросу об адресате «Отрывка».

В. В. Каллаш, характеризуя стиль писем Гоголя, писал: «К Пушкину обращается он, как к литературному «генералу», в преувеличенно скромном тоне, и одновременно с этим звучат самолюбивые нотки человека, знающего себе цену»²⁹.

М. Н. Сперанский в обширном комментарии к московскому изданию «Дневника Пушкина», разбирая личные и литературные отношения между Пушкиным и Гоголем, утверждал: «между ними не было близости», «Пушкин ценил Гоголя художника, но не критика», а Гоголь, «хвастливо афишировавший свои отношения к Пушкину вначале, впоследствии высокомерно говорил о Пушкине». Основные доводы для этих, рассеянных по всей статье Сперанского, умозаключений таковы: разница в возрасте, в характере (Пушкин общительный, открытый, Гоголь застенчивый, замкнутый, недоверчивый), в происхождении (Пушкин по рождению и воспитанию — из старой русской родовитой культурной аристократии, Гоголь — из мелкого, не чисто даже русского, малорусского, провинциального дворянства, получил далеко неудовлетворительное по тем временам воспитание)³⁰.

Мысль о том, что между Пушкиным и Гоголем не было близости, что Пушкин «вводил его в границы», а Гоголь, «склонный к гиперболизму, истолковывал в свою пользу обычное поведение Пушкина», Сперанский «доказывал» как фактами малозначительными (на протяжении всего периода знакомства Пушкин и Гоголь остались и а Вы; Гоголь допускал в письмах ошибки: Надежда Николаевна вместо Наталья Николаевна, «Кухарка» вместо «Домик в Коломне»), так и толкованием содержания и тона писем Гоголя.

В письмах Гоголя, «самого обывательского», по словам Сперанского, характера, постоянно звучит тон «просьбы о ходатайстве» или «шутки над собой с желанием рассмешить читающего письмо», а письма Пушкина якобы «шутливо иронического характера по отношению к Гоголю»³¹.

Но вдумаясь в содержание и в тон писем Гоголя к Пушкину 1831—1836 гг. и мы убедимся, что соображения Каллаша, Сперанского и др. не выдерживают критики и что «Отрывок из письма» не является исключением ни по тону, ни по содержанию³².

Первое письмо (№ 658) — Гоголь просит извинить его за то, что «не выполнил поручения», объясняет, как это случилось, что, кстати, свидетельствует не о неудовлетворительном воспитании, полученном Гоголем, а о его воспитанности.

Второе письмо (№ 660) — Гоголь, сообщая о том, что отдал Плетневу посылку (т. е. «Повести Белкина». — А. Г.), а также о «прыскании и фыркании» наборщиков в типографии, советует Пушкину дать «эстети-

²⁹ В. В. Каллаш. Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке. М., 1924, стр. 9.

³⁰ «Дневник Пушкина». М., 1923, стр. 169—180.

³¹ Письмо от 25 мая 1836 г. Сперанский считал «исключением». Оно, по его словам, «выделяется искренностью и непосредственностью» («Дневник Пушкина», стр. 173).

³² Нумерацию писем даем по Полному собр. соч. Пушкина. Изд. АН СССР, тт. 14, 15, 16.

ческий разбор двух романов (Орлова и Булгарина), сравнить Булгарина с Байроном и прочее.

Пушкин, тоже как воспитанный человек, ответил благодарностью, поздравил Гоголя «с первым торжеством» — «с фырканьем наборщиков». Иронии в письме Пушкина нет³³.

Третье письмо (№ 867) — Гоголь жалеет, что застал лишь записку, а не самого Пушкина³⁴, сообщает, что заболел, делится своими мыслями и планами о преподавании истории, о будущей работе в Киевском университете, о новой находке (Летопись об Украине 17 века).

Четвертое письмо (№ 936) — Гоголь сообщает: был у Уварова, захворал («Если будете в нашей стороне... загляните... Я имею вам кое-что сказать»).

Пятое письмо (№ 937) — Гоголь просит Пушкина поговорить с Уваровым и советует, как говорить с ним.

Неудивительно, что на «советы» Гоголя Пушкин шутливо ответил: «Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти Телеграфа поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, Его ожидающему. Авось уладим...» (№ 938).

В ответе Пушкина звучит ирония, но относящаяся не к Гоголю самому, а к его постоянным жалобам («захворал», «простудился») и, главное, к Уварову («к бессмертию, Его ожидающему»).

Шестое письмо (№ 1012) — Гоголь сообщает о цензурной зацепе по поводу «Записок сумасшедшего». Посылает предисловие («просмотрите... поправьте и перемените»).

Седьмое письмо (№ 1031) — Гоголь посылает два экземпляра «Арабесок», просит захватить к нему («Заезжайте часу во втором..., Вы читайте..., возьмите карандаш в ваши ручки» и пр.).

Восьмое письмо (№ 1100) — просит прислать комедию («Женитьба») и дать какой-нибудь сюжет, чисто русский анекдот, сообщает, что начал «Мертвые души».

Девятое письмо (№ 1154) — посылает «Утро чиновника» («Отправьте... если можно сегодня же... Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе...» «Мы с вами пребезалаберные люди» и т. д.).

В содержании писем Гоголя нет ничего обывательского. Темы писем — литературные, журнальные, а вовсе не «просто городские новости», сообщения «о погоде, о наводнении» и пр., как уверял Сперанский.

Тон писем Гоголя вовсе не униженный, не просительный. Несколько официальные и холодные нотки («Сделайте милость, пришлите скорее... Решаю писать вам сам; просил прежде Наталию Николаевну, но до сих пор не получил известия») звучат в восьмом письме (№ 1100), но и оно свидетельствует об искренности Гоголя³⁵.

Гоголь разговаривает с Пушкиным как равный с равным («Заходите, пришлите, отправьте, возьмите...»). «Мы с вами пребезалаберные люди» и т. д.) и с полным доверием («Мне бы очень хотелось видеться с вами...») или: «Я имею вам кое-что сказать»).

³³ Уже в этом первом обращении к Гоголю (№ 663) Пушкин, одобряя его «проект ученой критики», сообщает, что статья Ф. Косичкина еще не явилась («не убоюся ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича?»). Следовательно, Гоголь знал статью Косичкина до впечатления и был посвящен в тайну пушкинского псевдонима.

³⁴ Об этой записке см. А. А. Назаревский, Забытый автограф Пушкина (Пушкин и Временник, 4—5, 1939, стр. 490—493).

³⁵ Заметим, что Гоголь, как и Пушкин, начинает письма без обращения (лишь в первом письме (№ 663) читаем: «Любезный Николай» Васильевич!). Гоголь подписывается: «Вечно Ваш Гоголь», «Ваш Гоголь», «Н. Гоголь». Пушкин свои письма, вернее записки, или подписывает А. П., или вовсе не подписывает, но его лаконичные фразы («я совершенно с вами согласен», или: «Авось бог вынесет. С богом») свидетельствуют не об ироническом отношении к Гоголю, а о постоянном согласии с ним, об одобрении и ободрении его.

В тоне всех предыдущих писем написана в «Отрывке из письма» «личная часть», т. е. начало и конец его.

«Ревизор сыгран,— и у меня на душе так смутно, так странно...».

«Но у меня не достает больше сил хлопотать, спорить, я устал и душой и телом. Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий... я хотел бы убежать». (Ср. фразы в письме Гоголя к Щепкину: «Мочи нет! Делайте, что хотите, с моею пшеною, но я не стану хлопотать о ней»).

«Ради бога приезжайте скорее, я не поеду не простившись с вами. Мне еще нужно много сказать вам, того, что не в силах сказать несносное холодное письмо». (Ср. выше: «Я имею вам кое-что сказать».)

Кому мог адресовать Гоголь эти строки? Кто иной, кроме Пушкина, мог владеть мыслями и чувствами Гоголя в те дни, когда он трагически осмысливал и постановку «Ревизора», и толки вокруг комедии? Кто этот «один литератор»? Обычно утверждают, что это литературный прием. Но до сих пор не дано удовлетворительного ответа, почему Гоголь прибег к этому приему (см. ниже).

Обратимся к «гипотезам» по вопросу о так называемой «размолвке между Пушкиным и Гоголем».

Каллаш, освещая вопрос об участии Гоголя в «Современнике», «в котором он после первого тома почти перестал сотрудничать при жизни Пушкина»³⁶, уверял: «Вместе с неудачей «Ревизора» они, т. е. взаимоотношения с Пушкиным, м о ж е т б ы т ь (разрядка наша.— А. Г.) повлияли и на отъезд Гоголя за границу»³⁷.

В 1931 г. В. В. Гиппиус резонно заметил, что Каллаш явно недооценивал роль самого Пушкина в «Современнике», статья Гоголя («О движении журнальной литературы») «была Пушкиным просмотрена, одобрена и включена в первую книжку, составленную еще до отъезда Пушкина, хотя и допечатанную без него»³⁸.

В 1940 г. Гишпиус, в комментариях к «Письмам Гоголя к Пушкину» (т. X, Изд. АН СССР), снова говоря о необходимости изучения и переоценки отношений Гоголя к Пушкину и о том, что эти отношения не покрываются понятием дружбы, прослеживает три фазы этих отношений; первая — Пушкин — литературный покровитель начинающего Гоголя, вторая — Пушкин литературный советник уже завоевавшего себе имя Гоголя, третья — Гоголь — сотрудник «Современника».

Говоря о сложных отношениях между Пушкиным и Гоголем, об охлаждении последнего к Пушкину после статьи за подписью А. Б., Гиппиус, ссылаясь на письмо Гоголя к Жуковскому от 16 июня 1836 г., утверждал, что причиной охлаждения «м о г л о б ы т ь (разрядка наша.— А. Г.) недовольство Пушкина Гоголем как рецензентом и вообще степенью его активности как сотрудника»³⁹.

Но вместо гипотез, построенных на «может быть», «могло быть» и т. п., вспомним некоторые факты периода «размолвки».

6 мая 1836 г. «недовольный Гоголем» Пушкин настойчиво обращается к Наталье Николаевне: «Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву, прочесть Ревизора. Без него актерам не спеться. Он говорит, ко-

³⁶ Вспомним, что после I т. «Современника» (вышел 11 апреля 1836 г.) Гоголь вскоре (6 июня) уехал за границу, а через полгода не стало Пушкина.

³⁷ «Русская мысль», 1911, № 9, стр. 151.

³⁸ В. В. Г и п п и у с. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. «Уч. Зап. Пермского университета». Отд. общественных наук, 1931, вып. II, стр. 104, 107. Гиппиус прав: Пушкин уехал в деревню 8 апреля, а цензурное разрешение I тома «Современника» было получено 31 марта.

³⁹ Н. В. Г о г о л ь. Письма. Изд. АН СССР, 1940, т. X, стр. 436. Каков разбой в вопросе о статье А. Б. и о «размолвке» между Пушкиным и Гоголем, свидетельствует одна книга, где по этому вопросу три автора — Л. Я. Гинзбург, Н. Л. Степанов, Н. И. Мордовченко выдвигают три точки зрения (см. «Очерки по истории русской журналистики и критики». Л., 1950, стр. 253, 336, 408).

медия будет карикатурна и грязна (к чему Москва всегда имела поползновение): С моей стороны я тоже ему советую: ненадобно, чтобы Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят нежели в [Петербурге]»⁴⁰.

А 11 мая 1836 г. Пушкин снова обращается к Наталье Николаевне: «Ты пишешь о статье Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть»⁴¹.

Но, быть может, в первую очередь следует говорить не о «недовольном Пушкине», а об «обиженном Гоголе»? Обычно, вслед за Тихонравовым, цитируют письмо Гоголя к Жуковскому от 18 июля (н. с.) 1836 г. («Даже с Пушкиным я не успел, не мог, проститься, впрочем он в этом виноват»), но цитируют его не полностью. После приведенной фразы, где слова «даже» и «он в этом виноват» характеризуют отношение Гоголя к Пушкину, читаем: «Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, как кажется мне, будет смешно: из немецкой жизни» (т. XI, стр. 50), а в письме от 12 ноября (н. с.) 1836 г. (из Парижа) «обиженный» Гоголь, просит Жуковского, а через него и Пушкина, сообщить какие-нибудь казусы при покупке мертвых душ и пишет: «Никому не сказывайте, в чем состоит сюжет Мертвых Душ. Название можете объявить всем. Только три человека, вы, Пушкин да Плетнев должны знать настоящее дело»⁴².

Не будем гадать, в чем «виноват» Пушкин перед Гоголем и виноват ли он? На что «обиделся» Гоголь, да и обиделся ли он, и что таят в себе его слова в письме к Аксакову: «...выключил то, что могло быть интересно для меня и для него?»

Вспомним «Труды и дни» Пушкина весны и начала лета 1836 года (смерть матери, семейные заботы, начало светских интриг, работа над «Современником», цензурные придирки, запросы из III отделения от Бенкендорфа о статье Султан Казы Гирея «Долина Ажигутай», требование письма Кюхельбекера и имени того, кто его доставил Пушкину, запрещение статьи о Радищеве и, наконец, шум вокруг стихотворения «На выздоровление Лукулла», в котором узнали С. С. Уварова).

Об этих фактах Гоголь, даже если он не был близок с Пушкиным, не мог не знать, и в этой связи встает вопрос — неужели действительно Гоголь бежал за границу из-за «неудачи» с «Ревизором» или «из-за обиды» на Пушкина?

Предвзятое, необоснованное мнение о Гоголе-«выдумщике» и о его «обиде» критики, к сожалению, распространяли и на письма Гоголя к Плетневу, к Погодину и другие, написанные им уже после смерти Пушкина; в них вычитывали не выражение чувств «об утрате, постигшей» Гоголя, а ложную патетику, литературный шаблон, трафарет и т. п. (Каллаш, Сперанский и др.).

А между тем, в высказываниях Гоголя о Пушкине, если их проследить в контексте, оправданы, искренни и патетический тон («Великого не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена...») или: «Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики, мне дорого было его вечное и непреложное слово» и др.), и выразительные параллели и аналогии

⁴⁰ А. С. Пушкин. П. с. с. Изд. АН СССР, т. 16, стр. 113.

⁴¹ Там же, стр. 114. Небезынтересно отметить, что Вяземский (8 июня 1842 г.) писал вдове Пушкина: «Здесь был Гоголь, привез нам свои «Мертвые души», I том, и отправился за границу. Он в нынешний приезд был очень мил и весел» («Литературное наследство», т. 58, стр. 622). Свидетельствует ли это письмо о литературных вкусах и интересах Натальи Николаевны, о наличии которых мы до сих пор не имеем сведений, или о другом, — о том, что Гоголь должен был интересоваться Наталью Николаевну как знакомый семьи Пушкина?

⁴² Том XI, стр. 75—76. См. также письмо к Прокоповичу от 25 января 1837 г. (там же, стр. 84—85), где Гоголь с негодованием говорит о собственном творчестве («на «Ревизора» плевать») и где он пишет: «Кстати о литературных новостях, где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская дочка»... Видана ли была где-нибудь такая прелесть?».

своей манеры работать с манерой Пушкина («...я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению... Меня всегда дивил Пушкин...» — т. XI, стр. 91, 93, 247), и постоянные грустные воспоминания о Пушкине («Первое имя, произнесенное нами⁴³, было Пушкин») и мн. другое.

Гоголь прекрасно понимал, что Пушкин «наш первоапостол», как он назвал его в одной беседе, — это русская литература, русское просвещение, а враги Пушкина — Уваров и др. — враги литературы и просвещения.

Не случайно в мае 1839 г. (из Рима) он писал С. П. Шевыреву: «Новость твоя об Уварове (о какой новости идет речь, неизвестно. — А. Г.) достигла и сюда. Лучше ее, конечно, не могло ничего быть. Это первая, сколько мне помнится, утешительная новость из России. Кажется, мстительная тень Пушкина вмешалась в это дело и, защищая за гробом любезные ей права литературы и просвещения, наконец достигла преследуемого неизбежно ею хищника... Уваров с его гибкостью, с его всеми условиями, требуемыми правительством, мог лишиться его милости! — это почти непостижимо» (т. XI, стр. 233).

А спустя три года, 17 марта 1842 г., Гоголь советовал Плетневу: «Да, ваш журнал (т. е. «Современник». — А. Г.) не должен заниматься тем, чем занимается торопящийся шумный современный свет. Его цель другая: — это благоухание цветов, растущих уединенно на могиле Пушкина. Рыночная толпа не должна знать к ней (к нему) дороги» (т. XII, стр. 45—46).

Почему советский читатель должен верить гипотезам, построенным на: «вряд ли это так», «может быть», «могло быть», «мне так кажется» и т. п., а не умным, бесспорным и светлым мыслям Гоголя о Пушкине?

Светлые мысли о Пушкине и ненависть к «черни», надо думать, заставили Гоголя прибегнуть к литературному приему, подсказали и продиктовали ему «выдумку»: «к одному литератору», вместо «к Пушкину». Упоминать имя поэта спустя всего лишь три-четыре года после смерти — ведь это и значило бы афишировать свои отношения с Пушкиным и привлекать к себе внимание ненавистной «рыночной толпы».

И в данном случае следует говорить не о неискренности, а о другом, о чувстве такта, присущем Гоголю-«выдумщику».

Вопрос о Пушкине и Гоголе, об их взаимоотношениях как личных, так и творческих, ждет еще исследователей. Но не следует ли сначала разобраться: когда, с кем и почему Гоголь бывал выдумщиком, а главное, кто считал его таковым?

Соотечественники Гоголя, миргородские городничие, не верили ему и распространяли слухи, что Гоголь издает краденое, а не сам пишет свои произведения⁴⁴.

Светские круги, которым поведение Гоголя в свете (как, впрочем, и поведение Пушкина) не нравилось, распространяли слухи о его невоспитанности и невежестве.

«Друзья» славянофилы распространяли другие нелепые слухи, не доверяли Гоголю и были недовольны тем, что он «Пушкина партии»⁴⁵. Впрочем, славянофилы не доверяли не только Гоголю. С. Т. Аксаков писал: «...Жуковский не вполне ценил талант Гоголя. Я подозреваю в этом даже Пушкина... Оба они восхищались талантом Гоголя в изображении пошлости человеческой... восхищались его юмором, комизмом, — и только. Серьезного значения, мне так кажется... они не придавали ему»⁴⁶.

⁴³ Т. е. Гоголем и Жуковским при встрече за границей (т. XI, стр. 195).

⁴⁴ См. М. Г. Карташевская В. С. Аксаковой («Литературное наследство», т. 58, стр. 662—663).

⁴⁵ См. «Дневник Ф. В. Чижова» («Литературное наследство», т. 58, стр. 780).

⁴⁶ С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. (Собр. соч. М., 1956, т. III, стр. 177). Подробности об отношении славянофилов к Гоголю см. в ст. И. В. Сергеевского («Литературное наследство», т. 58, стр. 533—540).

⁴⁷ «Литературное наследство», т. 58, стр. 664.

«Не всякому слуху веруйте»,— предупреждал Н. М. Языков, тоже не всегда довольный Гоголем⁴⁷.

На основе всяких слухов и вырванных из контекста фраз дворянско-буржуазное литературоведение создавало и создало легенды о Пушкине и о Гоголе. Пушкин был объявлен поэтом «чистого искусства», что при многожанровости и многотональности его творчества было легко утверждать. Объявить Гоголя представителем «чистого искусства» при сосредоточенности его сатирического направления и «видимом миру смехе» было труднее. Взамен выросла легенда о гиперболическом начале в творчестве Гоголя—«выдумщика» и «мистификатора».

Из этих двух легенд выросла третья легенда о «границах», в которые «русский аристократ Пушкин вводил провинциального дворянина, малороссиянина Гоголя и о неискреннем отношении Гоголя к Пушкину.

Советский читатель должен знать, что в последние трагические годы, месяцы и дни жизни Пушкина, когда «презренная чернь, именуемая публикой», душила и Пушкина и Гоголя, Пушкин неизменно проявлял заботу о Гоголе, был его литературным единомышленником и литературным другом, а Гоголь через всю свою, тоже полную трагизма, жизнь пронес чувство благоговейного отношения к Пушкину.

В советских изданиях «Письмо Гоголя к Аксакову» и «Отрывок из письма», переработанный в 1840—1841 гг. из письма 1836 г., с соответствующими комментариями, должны найти место как в «Письмах Гоголя», так и в «Переписке Пушкина».

Советский читатель должен знать, что «свидетель горьких, горьких минут» Пушкина, сам Гоголь под «одним литератором» разумел и мог разуметь только Пушкина.
